

Известия. - 1998. - 27 мая. - с. 5.

Эта пьеса называется «Братство»

26 мая в Москве в ЦДРИ состоялся вечер памяти драматурга Алексея Арбузова. В нем приняли участие известные театральные деятели, а также «арбузовцы» — участники последней «Арбузовской студии», многие нынешние знаменитости

«...В одиннадцать лет я остался один, торговал на рынке чем придется, жил где попало, колот дрова и таскал вязанки по этажам, подворовывал где мог и, наконец, попал в колонию трудновоспитуемых...».

Неизменно элегантный, в нем-мыслимо ярких пиджаках, с шейным шелковым платком, в берете с помпоном или клетчатой фуражке, тогда, когда все ходили в сером, сером и сером, гурман жизни, вылезавший из-за письменного стола, за которым писал пьесы, чтобы вкусно попить и повесть, послушать музыку в Московской консерватории либо Домском соборе или поболеть на футбольном матче, и не вылезавший из заграничных поездов, посещающий собственные мировые премьеры, когда ни у кого их не было, Алексей Арбузов, колонист и всемирно известный драматург — одно и то же лицо.

В этом случае нельзя сказать, что жизнь играет человеком. Можно — что человек сам себя сделал. И жизнью играл он. Точнее, жизнью сочиненных им людей. Игра входила в правила, которые талантливый лицедей сам себе придумал. Бездомный, лишенный любви — мать сошла с ума и попала в психушку, Арбузов построил Дом в своих пьесах и сделал Любовь главной действующей силой драматического бытия.

«Таня», «Город на заре», «Годы странствий», «Иркутская история», «Мой бедный Марат», «Счастливые дни несчастливого человека», «Сказки Старого Арбата», «Вечерний свет», «Старомодная комедия», «Воспоминание», «Победительница» отличались от всех других советских пьес. Он был индивидуалист и исследовал индивидуальную жизнь, что само по себе было вызовом.

«Таня» первой прозвучала ошеломляюще. Казенная, бутафорская драматургия зашаталась под напором слабого человеческого голоса, который заговорил о сугубо личных, интимных вещах на фоне общественных схем и плакатов. Великая актриса Мария Бабанова сыграла Таню, и это ее уникальный серебряный голос стал голосом открытия новой драматургии. Впрочем, новая — через годы — непосредственно продолжала старую, чеховскую. Не зря на мировых афишах имя Арбузова следовало прямо после имени Чехова.

Его обвиняли в отрыве от жизни, в идеализации жизни, в нежиз-

Алексей Арбузов

неподобии. Мы, его ученики, его третья студия, — тоже. Иногда даже и с яростью. Мы знали, что он последователь и предтеча. Последователь Чехова и предтеча Вампилова и всех нас, вошедших под именем «новой волны». И как и положено ученикам, бурно любили и бурно протестовали.

А он был поэт. Знаток жизни, но жизни чувств, что от многих было страшно далеко. Особенно когда стал прорываться так называемый «грязный», «кухонный» реализм — лет через пятнадцать после того, как прорвался на Западе.

К чести Арбузова, после решительного его неприятия начальных опытов студийцев этого направления последовало приятие и понимание. Так, не сразу, но зато навсегда принял он пьесы Люси Петрушевской.

Люся Петрушевская, Аня Родионова, Венечка Балясный, Аркадий Инин, Витя Славкин, Марк Розовский, Аркадий Ставицкий, Саша Ремез, Саша Розанов, Лева Корсунский, Володя Карасев, Алексей Казанцев, Андрей Кучаев, Олег Солин — наша студия. Она просуществовала с 1972 по 1986 год — год его смерти. Мы читали друг другу пьесы и ругались славно. Но и радовались с той же силой. Арбузов радовался таланту и нас научил этому. Когда Люсино пьесе «Любовь» впервые поставил Игорь Васильев, когда Валерий Тищенко представил Анину «Девочку Надю», когда Римма Быкова сыграла мою — «Я, женщина», конечно, это было счастье. Было чистое братство.

У меня остались дневниковые записи из той жизни.

«17 мая 1973 года. Студия. Арбузов приехал из Ялты с четырьмя сценами новой пьесы и с новыми мыслями: «Что главное в драматургии? Схватка героя с самим собой, но она же схватка с другими лицами. В наших пьесах герои нежизнотворно конфликтуют, нет неожиданностей. В пьесе должно быть видоизменение замыслов: ты добр, но можешь быть отчаянно не прав. У нас по мелочам действуют. Отучились видеть громад-

ное. В какой-то мере литература может угадывать, выковырывать человека. Не образец для подражания — ни в коем случае, я ненавижу эти слова, но блестящий человек необходим драматургии. Наш герой не может объясниться в любви, мычит, а мы: ах, какой он хороший... Все это мысли человека, который интенсивно стареет, и ему хочется классичности. Положение печально еще потому, что мало наших воплотителей — один Эфрос. Я преувеличиваю, потому что нахожусь в дискуссии с окружающими, в том числе с самим собой, так как я и сам себя окружаю. Состояние борьбы с собой есть одно из прекрасных состояний, оно приносит удовлетворение, потому что оно залог победы. А может быть, и поражения, но поражения, предшествующего победе».

«6 января 1975 года. 30 декабря мы собирались в театрике на Мытной, был стол. Розанова, Славкин и Аня читали пародийные пьесы про нашу студию, было смешно. Я сказала Арбузову, что он не просто так занимается с молодыми. «Вы меня считаете вампиром?» — спросил он. Ответила: «Да, вы Вампиров».

В один из драматических моментов, когда он уходил из дома, получила редкое по откровенности письмо (публикую впервые): «...Мой образ жизни ни к чему и не ведет никуда. Забавно, что я никогда на это не рассчитывал. Всегда был уверен, что старость проведу как respectable буржуа. Вроде 65-летней О. Кучкиной. Но как говорил Кречинский — сорвалось! Впрочем, может быть, еще женюсь на престарелой шансонетке. В молодости, по ночам, это тоже входило в мои планы. Самое интересное — смогу ли я сейчас писать, да еще пьесу о разводе. Как я уже не раз всем вам говорил — знание материала ограничивает писателя... Здесь чудесная погода. Вчера вышел молодой месяц. Купаюсь. Драматургов бегу. Хотя завтра — 1 мая — приступаю к Вашей пьесе. О'кей. Ваш АЕН. 30 апреля 1979 года».

Он проживет еще семь лет и напишет две пьесы.

Его будут ставить всегда. Недавно в Москве поставлены «Мой бедный Марат» и «Мое заглавье».

На подаренном однотомнике он сделал надпись: «Живите весело и с удовольствием. Работайте с наслаждением и отчаянием. Не злитесь. Необходимы ирония и жалость. Для критика, как и для драматурга, равно необходимы энергия и темперамент. Действуйте. Алексей Арбузов».

Я и не замечу, как эти слова, предназначенные мне много лет назад, прорастут в меня и изменят.

Ольга КУЧКИНА,
«арбузовка».